12. ПРИТЧА О ВОРОНѢ.

Въ сказкахъ и притчахъ надъ всѣми птицами птица — орелъ; онъ правитъ царствомъ птичьимъ, какъ левъ звѣринымъ. Пусть же и у насъ такъ будетъ: орелъ всѣмъ птицамъ голова, весь птичій приказъ у него въ послушаніи; волостнымъ писаремъ при немъ сорокопудъ, а въ разсыльныхъ досталось быть воронѣ. Вѣдь она хоть и ворона, а все ей надо повинность свою отбыть. Разъ какъ–то птичій царь, сидя на зорькѣ, середи полянки, на высокой ели, вздремнулъ, встряхнулъ, позѣвалъ на всѣ четыре стороны, и со скуки захотѣлось ему послушать хорошихъ пѣсень. Закричалъ онъ своего разсыльнаго; ворона побѣжала въ припрыжку, взлетѣла на ель, сѣла на сучокъ, пониже орла, отворотила носъ въ сторону, чтобъ уставиться однимъ глазомъ на царя, и спросила: Что прикажешь? — Поди, сказалъ орелъ, позови ко мнѣ скорешенько что ни

есть лучшаго пѣвчаго, пусть онъ ублажаетъ меня, хочу послушать его, и коли онъ потѣшитъ меня хорошо, велю его наградить.

Подпрыгнула ворона, каркнула и полетѣла, замахавъ крыльями, что тряпицами: такъ, знать, она сердешная заторопилась. Отлетѣвъ немного, она однакоже присѣла на сухой сучокъ, отдохнуть, стала чистить носъ и думаетъ: Какую–жъ я птицу позову? соловья люди хвалятъ — да онъ тонко свищетъ и косноязыченъ, трещитъ; чижа, щегла, чечотку — такъ ихъ и не услыхать, щебечутъ себѣ подъ–носъ; что ни говори, а никому не спѣть противъ моего роднаго дѣтища, вороненка моего — авось угодитъ оно и на его милость! и притащила вороненка къ орлу, взгромоздившись рядкомъ съ сыночкомъ на ближній сучокъ. Орелъ межъ–тѣмъ опять вздремнулъ было немного со скуки, сидя одинъ, и вздрогнулъ, когда вороненокъ вдругъ принялся каркать у него надъ самымъ ухомъ, и надсѣдаясь, дралъ воронье горло свое, какъ можно шире; а старая ворона

покачивалась на сучкѣ, кивала головой и ждала большой похвалы начальства и милости своему любимому дѣтищу, которое такъ сладко поетъ.

— Молчать, дура! закричалъ орелъ: что за набатъ? рѣжутъ кого, караулъ кричатъ, что ли?

— Это пѣсенникъ, для вашей милости, отвѣчала ворона, старшій сынокъ мой; ужъ лучше этого, хоть не ищи, по всему царству птичьему не найдешь!

— Дура, сказалъ орелъ, убирайся ты и съ сыномъ своимъ, да потѣшай свою братью; не хвалилась бы ты сама, а подождали бы, какъ еще люди похвалятъ.

Всякъ норовитъ своему: всякъ самъ себѣ и краше и лучше.